

А. Н. ДУЛОВ
Республика Беларусь, г. Витебск

УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН БССР В 1930-е гг.

Рождение устной истории в качестве научного направления происходило в США и западноевропейских странах в 40–60-х гг. XX в. В исторической науке Беларуси методы устной истории только начинают получать признание. Теоретические аспекты взаимодействия устной и гендерной истории затрагивались в работах О. Шутовой [1, 55–74]. Ей же принадлежит попытка использования интервью для исследования изменений гендерных стереотипов в белорусском обществе в период Второй мировой войны [2, 56–62].

Методика нашего исследования заключалась в проведении свободного интервью по авторскому опроснику. Из шести информанток 1905–1919 гг. рождения одна являлась коренной горожанкой, служащей, остальные – крестьянки по происхождению (двое до войны работали в колхозе, трое вынуждены были перебраться в город и работать на предприятиях).

Ниже представлены некоторые предварительные обобщения по отдельным аспектам жизни интервьюированных.

Одной из главных жизненных ценностей для женщин был труд. Все информантки подчеркивали свою любовь к труду независимо от места работы и степени ее тяжести. Для них было характерным добросовестное выполнение профессиональных обязанностей. При этом женщины обычно не стремились превышать норму выработки. Сами они объясняют это недостаточной квалификацией и большим объемом домашних работ. Двойная занятость воспринимается информантками как естественное положение вещей.

Респондентками отмечается наличие женщин-начальников, в основном нижнего и среднего звена, на фабриках с преобладающим женским трудом и в колхозах. Опраши-

ваемые считают, что женщина может управлять не хуже мужчины, а иногда и лучше, так как более человечно относится к подчиненным. При этом сами они не желали бы оказаться на управленческой должности из-за большой ответственности.

Рассуждения на политические темы информантки старались обойти. Это можно объяснить как слабым интересом женщин к политике, так и выработанным в условиях тоталитарного общества чувством самосохранения. Для всех характерно уважительное отношение к власти, хотя отмечается, что власть мало хорошего сделала для людей. Уважение сочетается со страхом. Женщины и сейчас опасаются сказать о том времени что-то лишнее. Особенно сильно проявился этот страх у респондентки, муж которой был репрессирован. О своем отношении к Сталину в 1930-х гг. информантки предпочитают умалчивать либо сдержанно осуждают его политику. Этот факт вступает в определенное противоречие с тезисом о всенародной поддержке режима и о всеобщей любви к вождю.

Информантками затрагивались значительные моменты советской истории первых послереволюционных десятилетий, оказавшие влияние на повседневную жизнь людей. Все без исключения респондентки негативно оценивали коллективизацию, сочувствовали выселяемым крестьянам, на которых был навешен ярлык кулаков. Одна из информанток вспоминала, что женщины активно протестовали против создания колхоза. Она объяснила данный факт тем, что карательные органы относились к протесту женщин не столь

серьезно, и последствия для них были более мягкими, чем для протестовавших мужчин. С коллективизацией респондентки, как правило, связывали голод начала 1930-х гг. Интервьюируемые характеризуют жизнь того времени как тяжелую. Женщины стремились обеспечить выживание своих детей. На витебской фабрике им. Клары Цеткин работницы, выходявшие в третью смену и получавшие мясо, падали у станков от голода, а мясо стремились принести детям. Сочувствовали и помогали женщины голодающим украинцам, которые появились на улицах Витебска.

Информантки воспитывались родителями в религиозных традициях. Вера их проявлялась, главным образом, в форме исполнения обрядов. Молитвы способствовали обретению женщинами душевного спокойствия. Только одна из опрошенных оказалась атеисткой: от веры она отказалась в детские годы под влиянием школьного учителя.

Интервьюируемые не принимали участия в общественной жизни. В свободное время некоторые читали книги, почти все любили посещать вечера в клубе, танцевать, общаться с молодыми людьми. Девушки стремились хорошо выглядеть, однако это было непросто. В магазинах красивая одежда отсутствовала. Те, у кого была такая возможность, покупали материю и шили сами. Косметики работницы практически не знали. В девушке ценились аккуратность и скромность.

В рассказах о личной жизни информантки проявляют сдержанность. Одна из них вообще отказалась говорить на эту тему. Полученные данные показывают, что в 1930-е гг. шло разрушение традиционных стереотипов: в городе выбор брачного партнера обычно осуществлялся самой девушкой, которая, правда, спрашивала согласия родителей. В сельской местности при заключении брака большую роль продолжали играть хозяйственные мотивы и слово старшего в семье мужчины. Так, одну из информанток брата не отдавали замуж, потому что она вела их хозяйство, даже когда у тех появились жены. Только третьи сваты получили положительный ответ. При этом девушка не была знакома со своим будущим мужем. В связи с экономическими трудностями почти исчезли традиционные свадебные торжества.

Семья и дети являлись для женщин приоритетными жизненными ценностями и даже смыслом жизни. Информантки с гордостью рассказывали о своих детях, внуках и правнуках. Воспитание детей было женским делом, хотя некоторые отмечали помощь мужа. В воспитании принимали участие бабушки.

Полученная в ходе интервью информация дополняет данные архивных документов и позволяет утверждать, что наряду с разрушением некоторых гендерных стереотипов и усвоением новых моделей поведения превалирующим гендерным контрактом 1930-х гг. являлся контракт работающей матери и мужчины-кормильца.

1. *Шутова О. М.* Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии // Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 1 / Под ред. И. Р. Чикаловой. Мн., 2001.
2. *Шутова О.* На пути к Истории Людей: заметки по истории историографической мысли (конец XX века). Мн., 1999.